

В ту же ночь в главном административном здании Лу Чэньюнь с мрачным видом смотрел на стоявшего перед ним человека.

— Что ты ещё хочешь сказать?

Руководитель, отдавший в своё время тот самый приказ, лишь покачал головой:

— Я ничего не хочу говорить. Но я надеюсь на твоё понимание.

— Разумом я всё понимаю, но принять это душой не могу. И прошу тебя тоже понять меня, — Лу Чэньюнь прижал руку к груди. — Я всегда знал, что доверие — штука тонкая. Когда-то мне казалось, что оно у меня есть, но теперь я вижу, что нам с ним не по пути.

— Глава Лу, ты же понимаешь, что вы, люди вашего круга... — договорить начальник не успел. Он лишь горько усмехнулся, глядя на опустевшее место, где только что стоял Лу Чэньюнь.

Как бы то ни было, на базе Шанцзин собралось уже больше сотни бойцов из Седьмой группы. Теперь их наконец-то можно объединить.

Вернувшись в выделенные им комнаты, Му Хуайшу окинул взглядом своего сожителя:

— Кажется, совместного проживания мне никак не избежать.

Чэнь Цзэюй отставил в сторону дорожную сумку, служившую ему маскировкой, и улыбнулся:

— Вот она, судьба.

— Давно хотел спросить, — заговорил Му Хуайшу. В его голове уже зрел определённый домысел, который требовал подтверждения. — Почему во время проверки ты не попробовал использовать истинную ци?

— Не хотелось, чтобы учитель раскошеливался на третью измерительную плиту, — Чэнь Цзэюй усмехнулся. — К тому же ты ведь тоже не выложился на полную.

Му Хуайшу тихонько рассмеялся. Что верно, то верно — он тоже сдерживался. Пока нет полной уверенности в безопасности, раскрывать все свои карты может только дурак. С древнейших времён выживали те, кто умел скрывать свои козыри, в то время как мир завоёвывали те, кто умел громко заявить о себе. Разумеется, к крайностям это не относилось — истинная мудрость лежала на стыке обоих путей.

— До рассвета ещё далеко. Может, потренируемся? — Чэнь Цзэюй потянулся. С тех пор как они спустились с гор, ему давно не доводилось впадать в глубокую медитацию.

Му Хуайшу взглянул на часы:

— У меня предчувствие, что шишу заглянет к нам сегодня ночью.

— Не беспокойся, я уже повесил на ручку табличку «Не беспокоить», — Чэнь Цзэюй усмехнулся, разгадав намерения Хуайшу.

Одним движением руки он убрал лишние вещи в своё скрытое пространство, попутно загородив ими объектив камеры наблюдения, притаившейся в углу под потолком.

Му Хуайшу уселся на постели, скрестив ноги.

— Старший брат, не прерывай дыхание, пока я не закончу, иначе это скажется и на тебе.

— Само собой, — согласился Чэнь Цзэюй. Он сел напротив, и его внутренние потоки пришли в движение.

В нынешние времена, когда большинство древних техник и заклинаний были безвозвратно утрачены, практики вроде них могли лишь слегка заимствовать духовную энергию природы. Достичь высот древних совершенствующихся казалось несбыточной мечтой, а описанные в старинных трактатах вознесение и преодоление небесных невзгод давно считались не более чем мифами. К тому же в мире почти не осталось чистой энергии, пригодной для развития духа. Их тренировки теперь куда больше походили на практику традиционных боевых искусств, пусть и с особыми методами контроля дыхания. Без священных артефактов, способных притягивать и удерживать природную силу, их даосская ци при циркуляции неизбежно рассеивалась в окружающем пространстве.

Что касается Му Хуайшу, то его смертоносный Яд Ша заставлял его впитывать и очищать внутри собственного тела бушующую вокруг энергию Ша, из-за чего его сущность приобрела разрушительные свойства этой зловещей силы. С другой стороны, жизненная энергия, струившаяся вокруг Чэнь Цзэюя во время медитации, была несравнимо чище той, что выпускали обычные мастера. Именно поэтому в древности тёмные даосы шли на всё, чтобы заполучить «фармацевтического человека» и использовать его как живой сосуд для ускорения собственного совершенствования.

Вскоре комнату наполнил густой, пряный аромат лекарственных трав. Му Хуайшу активировал тайную технику, заставляя энергию Ша циркулировать по меридианам. Постепенно этот дурманный запах, готовый распространиться по всему зданию, стянулся к ним, соткавшись в плотное облако, запечатанное между двумя фигурами. Если бы духовная энергия была видимой, можно было бы заметить, как жадно они обменивались её потоками.

На лбу Му Хуайшу выступили крупные капли пота. Ему приходилось прикладывать колоссальные усилия, чтобы сдерживать собственную Энергию Ша, которая так и рвалась наружу, притягиваемая чистой жизненной силой напарника. Он аккуратно, крупица за крупицей, укрощал её, выпускал наружу тонкой струйкой и тут же втягивал обратно. В этом непрерывном круговороте он оттачивал свой контроль над энергией Ша.

В это время в коридоре у их двери остановился Лу Чэньюнь. Взглянув на висящую на ручке табличку, он лишь недоуменно покачал головой. Когда этот сорванец умудрился стащить гостиничную вывеску «Не беспокоить»? Тот, кто смыслит в практике, поймёт, что парни медитируют, а вот непосвящённый бог весть что подумает — будто они там за закрытыми дверями предаются каким-то непотребствам.

Усмехнувшись, Лао Лу решил, что заглянет к ним завтра, и тихо ушёл.

В другой комнате Чжэн Тяньци и его младшие братья-соученики сидели в кругу. Чистая даосская энергия лениво струилась между ними. Однако Тяньци, одолеваемый тревожными мыслями, никак не мог сосредоточиться. Его дыхание становилось всё более неровным и прерывистым, пока он наконец не прервал сеанс. Убедившись, что соученики погружены в глубокий транс, он ощутил, как к горлу подступает удушливая тоска. Не выдержав, он бесшумно выскользнул в открытое окно.

— Юный друг Тяньци, — раздался тихий голос из темноты.

Напротив него стоял Мо Цинь. Судя по всему, он ждал его уже довольно давно.

— Старший Мо, — Тяньци вежливо сложил ладони в приветствии.

В спальне Му Хуайшу наконец втянул обратно остатки вырвавшейся энергии Ша. В последнее время ему приходилось использовать Яд Ша куда чаще, чем обычную истинную ци, из-за чего Энергия Ша внутри него вела себя крайне капризно. На полу и мебели вокруг кровати осел едва заметный налёт серого пепла — свидетельство того, что Ша всё же успело коснуться окружающих вещей.

Почувствовав, что Хуайшу закончил, Чэнь Цзэюй тоже остановил поток ци. Однако Му Хуайшу заметил, что лицо старшего брата слегка побледнело.

— Тебе нужно восстановить силы, отдохни ещё немного. А я пойду проветрюсь, — бросил он и,

не дожидаясь ответа, выскользнул за дверь.

Оставшись один, Чэнь Цзэюй прогнал энергию по меридианам ещё раз. Здоровый румянец быстро вернулся к его щекам. Он тонко улыбнулся, проявив твёрдую решимость.

Выйдя в коридор, Му Хуайшу на мгновение замер. Слева находилась комната Чжэн Тяньци и младших учеников, справа — покои шишу. Без колебаний повернув направо, он дошёл до двери Лу Чэньюня и уставился на ручку. Там висела точно такая же табличка «Не беспокоить», которую Чэнь Цзэюй только что забрал с их собственной двери.

У Му Хуайшу нервно дёрнулся уголок глаза. Сдерживая вздох, он развернулся и направился к лестнице.

Оказавшись на улице, Му Хуайшу заметил впереди две фигуры. Он холодно усмехнулся. Если Чжэн Тяньци из-за своей невнимательности мог не почувствовать его приближения, то Мо Цинь... О нет, этот старый лис наверняка его почувял.

«Что ж, сыграем в эту игру», — мысленно хмыкнул Хуайшу. Он бросил острый взгляд и бесшумно скользнул по ветвям деревьев позади них и затаился в густой кроне прямо над их головами. Прислонившись к стволу, он прикрыл глаза, делая вид, будто дремлет. Он не пытался вслушиваться в их шёпот, лишь чутко следил за колебаниями воздуха, чтобы понять, когда они разойдутся.

Чжэн Тяньци напряжённо обдумывал предложение Мо Циня, как вдруг заметил, что мужчина загадочно посмотрел куда-то вверх и улыбнулся. В следующую секунду с дерева легко спрыгнул Му Хуайшу, который пугающе улыбался.

Сердце Тяньци ушло в пятки. Чувствуя себя пойманным с поличным, он поспешно отступил на полшага назад, стараясь спрятаться в тени дерева и избежать прямого взгляда шишу.

— Доброй ночи, глава Мо, — как ни в чём не бывало протянул Му Хуайшу, делая вид, что не заметил их секретного заговора. Впрочем, он действительно ничего не слышал, да и не больно-то хотелось. — Какая преданность делу. Не знал, что руководителю вашей величины приходится лично патрулировать базу по ночам.

— Служба обязывает, — мягко отозвался Мо Цинь. То, как демонстративно Му Хуайшу проигнорировал присутствие Тяньци, укрепило его веру в то, что его план сработает без сучка и задоринки. От этого он улыбнулся ещё более радушно и почти по-отцовски. — А вот почему наш юный друг Хуайшу до сих пор не в постели?

— Характер у меня беспокойный, глава Мо. В четырёх стенах не спится, — Му Хуайшу закинул

руки за голову и посмотрел наверх. — К тому же, не находите, что сегодня на редкость тихая и ясная ночь? Настоящая редкость для наших времён. Лунный свет струится словно вода, а звёздный поток похож на великую небесную реку.

Он указал на сияющий на небосводе серебряный диск. Только сейчас он осознал, что сегодня — ночь полнолуния, когда иньская энергия достигает своего пика. К сожалению, находясь так близко к обитаемой базе, он не мог позволить себе поглощать её. Что ж, это далеко не первая ночь впустую.

— Ночные пейзажи действительно прекрасны, но тебе стоит поберечь силы, — вставил Чжэн Тяньци, пытаясь вернуть себе утерянную инициативу. Особое отношение Мо Цинь к Му Хуайшу больно ранило его самолюбие и лишь укрепило его в принятом решении. Но торопиться было нельзя — сначала нужно показать свою полезность внутри Седьмой группы. — Завтра нас ждёт распределение по отрядам. Будет скверно, если ты явишься туда сонной мухой.

— Спасибо за заботу, — Му Хуайшу многозначительно улыбнулся Чжэн Тяньци и, легко развернувшись, растаял в ночной темноте.

Тяньци до боли сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев, но уже через секунду заставил себя расслабиться.

— Старшая Мо, я тоже, пожалуй, откланяюсь, — вежливо произнёс Тяньци. Он прекрасно понимал, что разговор окончен, а уйти самому всегда престижнее, чем ждать, пока тебя вежливо спровадят.

Когда Му Хуайшу вернулся в комнату, Чэнь Цзэюй уже выглядел совершенно бодрым.

— Когда я выходил, то наткнулся на главу Мо и Тяньци. Они о чём-то шушукались.

— И Мо Цинь тебя засекла? — Чэнь Цзэюй не спеша помешивал ложечкой горячий шоколад. Сладкое перед сном помогало успокоить нервы, а Хуайшу, как он успел заметить, был тем ещё сластёной.

Приняв из рук старшего брата чашку, Му Хуайшу вдохнул густой аромат:

— Скорее, он сам позволил мне подойти ближе, чтобы спровоцировать моё появление перед Тяньци.

— Хм, — Чэнь Цзэюй пригубил тёплое молоко из своего бокала. — А сам-то? Скажешь, не нарочно вылез прямо перед ними?

Му Хуайшу картинно закатил глаза:

— Тяньци здесь всё равно не удержится. Чем быстрее он свалит, тем лучше. Нечего использовать Седьмую группу как трамплин для своей карьеры и доставлять лишние хлопоты шишу.

Чэнь Цзэюй прикусил язык, вспомнив про учителя, который бродил у их дверей. Про себя он подумал: «Да старик только рад будет, если Тяньци подкинет ему забот. Он уже изнывает от безделья и готов сорваться на любого встречного».

— Что у нас завтра по плану? — спросил Чэнь Цзэюй, тщательно споласкивая чашки.

Му Хуайшу задумался на мгновение:

— Глава Мо упомянула, что завтра нас будут распределять по отрядам. Судя по всему, на этой базе скопилось немало уцелевших из Седьмой группы. Будь здесь только наша группа из Биньчжоу, делить нас на новые отряды не имело бы смысла.

— Вы с учителем в этом похожи, — Чэнь Цзэюй кивнул. — Хватаете на лету любую крупицу информации, которую Мо Цинь случайно или нарочно роняет.

— Будто сам этого не понял, — фыркнул Му Хуайшу. Вытерев руки полотенцем, он опустился на диван в гостиной. — Где тут спальня?

Чэнь Цзэюй кивнул на неприметную дверь в конце небольшого коридора.

Сладко зевнув, Хуайшу поднялся:

— Ну, тогда доброй ночи.

Распахнув дверь спальни, Му Хуайшу замер на пороге. Он увидел широкую двуспальную кровать. Уголок его глаза нервно дёрнулся. Он обернулся к следовавшему за ним Чэнь Цзэюю:

— Только не говори мне, что здесь всего одна спальня.

— Увы, так и есть, — Чэнь Цзэюй закинул руки за голову, довольно улыбаясь. — Вторая комната — это рабочий кабинет.

Му Хуайшу вздохнул. Делить с кем-то постель ему предстояло впервые в жизни. Впрочем, они оба мужчины, да и в даосском монастыре послушники до официального посвящения спят в общем зале на циновках. Чего тут смущаться?

— Надеюсь только, что посреди ночи ты не скинешь меня на пол, — проворчал он.

Скинув куртку и расстегнув верхние пуговицы рубашки, он прихватил с тумбочки мыло и полотенце и скрылся в душевой.

Горячий шоколад подействовал как отличное снотворное. К тому времени как Чэнь Цзэюй закончил свои водные процедуры, Му Хуайшу уже крепко спал, свернувшись калачиком под одеялом. Разумеется, он и не подозревал, воспользовался ли его беззащитным состоянием коварный старший брат.

Рано утром пронзительный вой призывного свистка заставил Му Хуайшу буквально подпрыгнуть на кровати.

— Что за чертовщина?! — сонно выкрикнул он, дико озираясь по сторонам.

Из ванной вышел Чэнь Цзэюй с зубной щёткой во рту:

— Обычное утреннее построение гарнизона. Поднимайся давай, умывайся — и бегом в столовую, пока завтрак не остыл.

Му Хуайшу, тихо ворча, поплёлся умываться, гадая про себя: кормят ли на военных базах так же скромно, как в монастырских трапезных?

Спустя полчаса, стоя перед раздачей в местной столовой, он уныло разглядывал содержимое своего подноса: пресный маньтоу, жидкая рисовая каша без намёка на сахар, горстка солёных овощей да одно варёное яйцо. Чэнь Цзэюй тихо фыркнул, пряча смехок, и легонько подтолкнул его к столу.

— Привыкай, это стандартный паёк эпохи апокалипсиса, — подал голос сидевший за соседним столом Цзян Цинь. Его щёки были набиты пресным тестом так, что он едва ворочал языком, проталкивая сухой маньтоу глотками жидкой каши и заедая это солёными овощами. Рядом на салфетке сиротливо лежало нетронутое яйцо — парень явно приберёт его на десерт.

Впрочем, этот гигантский кусок хлеба ему в рот запихнул не кто иной, как Лу Чэньюнь — исключительно для того, чтобы у Цзян Циня не осталось физической возможности покуситься на его собственное яйцо.

Му Хуайшу попытался последовать примеру товарища и, зажав зубами маньтоу, потянулся к чашке с кашей, но Чэнь Цзэюй тут же отобрал у него посуду:

— Не бери пример с этого проглота. Ешь нормально.

Му Хуайшу принялся неторопливо уничтожать свой скромный завтрак, полностью игнорируя недоуменные взгляды окружающих. Посмотрев на Чэнь Цзэюя, который старательно растирал желток в каше и методично закусывал это маринованной капустой, он мысленно хмыкнул: в конце концов, не один он тут никуда не спешит.

Едва они вышли из столовой, как наткнулись на ожидавшего их Мо Циня. Лу Чэньюнь демонстративно отвернулся в сторону, даже не собираясь здороваться. Зато Чэнь Цзэюй тут же выступил вперёд, принимая удар на себя. Му Хуайшу невольно поразился тому, как слаженно эта парочка — учитель и ученик — распределяет роли.

— Глава Мо, неужели вы лично станете нашим проводником?

— Что такое, Цзэюй? Тебе не по душе общество этого старика? — Мо Цинь с мягкой улыбкой окинул взглядом Чжэн Тяньци, стоявшего чуть поодаль, а затем перевел взор на Му Хуайшу. — Идёмте. Помогу вам устроиться до конца. Провожу вас в актовый зал.

По дороге Му Хуайшу старался держаться как можно дальше от Мо Циня. Игры разума с этим хитрым интриганом могли быть весьма увлекательными, но стоило хоть раз оступиться — и ты уже пляшешь под его дудку. А этого он терпеть не мог.

Актовым залом оказался просторный холл недалеко от главного входа в базу. Стоило им переступить порог, как Му Хуайшу заметил среди собравшихся множество знакомых лиц — с кем-то они пересекались на прошлых заданиях Седьмой группы, кого-то он видел впервые. Вместе с их прибывшей группой в зале набралось не меньше сотни человек.

На невысокую трибуну поднялся офицер в строгой форме с толстой папкой в руках и зычным голосом объявил о начале распределения. На самом деле уцелевших бойцов Седьмой группы из разных городов осталось не так уж много. По регламенту базы их следовало разбить на отряды по двадцать человек в каждом: слишком многочисленные группы дробили, а малочисленные — объединяли, смешивая представителей разных регионов.

Когда очередь дошла до выживших из Биньчжоу, список оказался внушительным. Офицер принялся распределять сорок с лишним учеников Храма Циньчэн, отправляя по несколько человек в каждый формируемый отряд. И то ли по случайному совпадению, то ли по чьему-то тайному умыслу, Чжэн Тяньци и Му Хуайшу оказались в одной группе. Хуайшу уже открыл было рот, чтобы выразить протест, но тут заметил, что к ним уверенным шагом направляется Чэнь Цзэюй. Как выяснилось, их командиром назначили Мо Цинь, в то время как Лу Чэньюнь возглавил отряд, полностью состоящий из учеников Храма Циньчэн.

— Вы зачислены в первую группу, — зычно объявил офицер, остановившись перед отрядом Мо

Цинь. — Отныне вы — единое звено. Но ваш общий отряд будет именоваться Седьмым большим отрядом. Звучит привычно, верно? Ха-ха! Сейчас на базе официально сформировано всего четыре отряда, и вы должны были стать пятым. Однако командиры ваших подразделений настояли на том, что число «семь» имеет для вас особое значение. Поэтому руководство пошло вам навстречу и утвердило название «Седьмой большой отряд».

Штабной офицер сделал паузу, перевернув страницу:

— Поскольку общая численность бойцов Седьмой группы составила сто двадцать восемь человек, чтобы не создавать недоукомплектованную группу из восьми человек, мы специально перевели к вам двенадцать оперативников из Группы Дракона под руководством Главы Группы Дракона. Надеюсь, вы сработаетесь. И не переживайте: ваш наставник сам когда-то начинал службу в Седьмой группе, так что никаких предвзятостей или ущемлений не возникнет.

Похоже, у этого офицера был несомненный талант к пустой болтовне. Му Хуайшу покосился на Мо Цинь, которая лишь недовольно поджала губы при упоминании своей старой должности. «Какая разница, как называется отряд и как её величают штабные? Главное — выжить», — мысленно резюмировал он.

<http://bllate.org/book/19035/1940040>